

Вавилонская башня vs розовый домик: проблема аутентичности в лингвофилософском пространстве романов Л. А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» (1990) и «Казароза» (2002)

Му Чунхуай¹, Н. В. Николаева²

¹Ляонинский университет, Шень Ян, Китай, muchonghuai@126.com

²Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, nikolaeva63@mail.ru

Аннотация. Цель данного исследования – выявить проблему аутентичности в лингвофилософском пространстве романов Л.А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» (1990) и «Казароза» (2002). Композиция и система раскрытия образов свидетельствуют о важности проблематики аутентичности в художественной ткани текстов, несмотря на ее завуалированность, что обусловлено прежде всего детективным жанром, а также историко-культурным фоном, на котором разворачивается сюжет и лингвофилософскими дискуссиями, широко представленными в художественном пространстве романов. Отталкиваясь от хайдеггеровского понимания аутентичности, авторы исследуют такие характеристики героев, как онтологическая чуткость и способность принимать условия бытия.

Ключевые слова: Л. А. Юзефович, «Клуб “Эсперо”», «Казароза», эсперанто, аутентичность

Для цитирования: Му Чунхуай, Николаева Н. В. Вавилонская башня vs розовый домик: проблема аутентичности в лингвофилософском пространстве романов Л. А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» (1990) и «Казароза» (2002) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 147–153.

Original article

Tower of Babel vs pink house: the problem of authenticity in the linguo-philosophical space of L.A. Yuzefovich's novels "Espero Club" (1990) and "Casaroza" (2002)

Mu Chonghuai¹, Natalya V. Nikolaeva²

¹Liaoning University, Shenyang, China, muchonghuai@126.com

²Moscow Normal State University, Moscow, Russia, nikolaeva63@mail.ru

Abstract. The aim of this study is to reveal the problem of authenticity in the linguo-philosophical space of novels. L. A. Yuzefovich, “Espero Club” (1990) and “Casaroza” (2002). The composition and the system of disclosure of images testify to the importance of authenticity in the artistic fabric of the texts, despite the fact that its presentation in a complex historical and cultural context, language-philosophical discussions and detective genre may make this problem not quite obvious. Starting

from Heidegger's understanding of authenticity, the authors pay attention to such properties as attitudinal sensitivity and the ability to accept the conditions of being.

Keywords: L. A. Yuzefovich, "Espero Club", "Casaroz", Esperanto, authenticity

For citation: Mu Chonghuai, Nikolaeva, N. V. (2024). Tower of Babel vs pink house: the problem of authenticity in the linguophilosophical space of L. A. Yuzefovich's novels "Espero Club" (1990) and "Casaroz" (2002). Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 147–153. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX–XX веков умы человечества все-рез волновали идеи изменения фундаментальных основ мира. Острое ощущение некоего несовершенства, необходимости обновления социальной структуры и этических основ мира, эстетического и интеллектуального проявления, языковой репрезентации. беспокоило многих людей того времени. Однако, несмотря на кажущиеся многообразие предлагаемых путей, по сути, всё можно свести к двум стратегиям: трансформации и преобразованию. С первой стратегией связаны изменения внешние, касающиеся среды, обусловленные онтологическим неприятием существующего мира, а со второй – изменения внутри себя, направленные на понимание онтологии. В детективных романах Л. А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» (1990) и «Казароза» (2002) представлена эта напряженная эпоха столкновения дух экзистенциальных стратегий и двух типов бытия, детерминированных той или иной стратегией. Эти типы бытия представленные через два архитектурных образа Вавилонской башни и розового домика, с нашей точки зрения, являются основой архитектоники текстов Л. Юзефовича.

Актуальность исследования обусловлена недостаточным количеством работ, посвященных творчеству Л. Юзефовича, в частности, отсутствием работ анализирующих проблему аутентичности в лингвофилософской проблематике рассматриваемых текстов. На данный момент нами обнаружено только одно научное исследование, в котором, однако, сопоставляется реализация образа автора в романах «Клуб “Эсперо”» и «Казароза»¹.

Задачами исследования являются: описание лингвофилософского пространства романов Л. А. Юзефовича; анализ архитектоники и системы образов текстов в свете проблемы аутентичности.

Методология и материал исследования. Материалом исследования послужили тексты романов

Л. А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» (1990) и «Казароза» (2002). Для достижения поставленной цели были использованы методы герменевтического и аксиологического анализа.

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ НЕАУТЕНТИЧНОСТИ

Действия романов происходит в Перми, в двух временных пластах (20-е и 70-е годы XX века), прочно стыкующихся в рефлексии и экзистенции героев Семченко, Кабакова из «Клуба “Эсперо”» и, соответственно, Свечникова, Вагина из «Казарозы». «События 1920 г. видятся поэтому в двойном преломлении, как уже давние воспоминания, практически история» [Бабичева, 2021, с. 90]. Благодаря такой темпоральности создается стереоскопический эффект².

Социокультурная, историософская и экзистенциальная проблематика с первых страниц обоих романов переплетается с лингвофилософской. Через отношение к эсперанто, которым увлекаются некоторые персонажи, разворачивается не только сюжетный, но и концептуальный уровень романов. В разговорах, спорах, рассуждениях о детище Л. Заменгофа, представлена проблема аутентичности / неаутентичности бытия, выраженная через образы Вавилонской башни и розового домика.

Роман «Казароза» был написан через двенадцать лет после публикации «Клуба “Эсперо”» и является переработкой первого романа. «В «Казарозе» писатель увеличивает спектр явлений политической, интеллектуальной, психологической, нравственно-философской сфер»³. То, что в новой версии романа автор убирает из названия эсперантскую тему и смещает фокус на образ

²URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2003/7/vse-svyazano-so-vsem.html>

³URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20220122-o-svoeobrazii-avtorskogo-nachala-v-proizve-deniya-l-yuzefovich>

¹URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20220122-o-svoeobrazii-avtorskogo-nachala-v-proizve-deniya-l-yuzefovich>

эстрадной певицы Зинаиды Казарозы, ставшей случайной жертвой мести подростка Геньки Ходырева, является, с нашей точки зрения, концептуальным для раскрытия проблемы аутентичности, или подлинности.

Для детективов (детектив только по форме: случайности сплетаются так, что приходит смерть)¹ Л. Юзефовича характерно наличие «приключения более захватывающего, чем поиск убийцы, приключения интеллектуального» [Абашева, 2004]. Поэтому детективный сюжет романа разворачивается на фоне острого противостояния, связанного с осмыслением языка как важнейшего феномена человеческой жизни: как фактора социокультурной и экзистенциальной трансформации, с одной стороны, и как тайны, связанной с экзистенцией и целого народа, и одного человека – с другой.

Пространство романов пронизано лингвофилософским противостоянием и противоборством двух типов бытия. Первый бытийный тип представлен эсперантистами разных толков, озабоченных построением Вавилонской башни разума, любви и надежды. Библейский образ является вербальным символом их деятельности и жизненной позиции. Этот тип бытия, используя терминологию М. Хайдеггера, назовем неаутентичным [Хайдеггер, 2003]. Второй, соответственно, аутентичный – преимущественно представлен образом актрисы Зинаиды Георгиевны Шеншевой / Шершневой, выступавшей под сценическим псевдонимом Казароза (розовый дом/-ик).

Все эсперантисты заряжены идеей решить глобальные проблемы человечества, главная из которых разобщенность, неспособность понимать друг друга, обусловленная полилингвальностью, возникшей, согласно библейскому повествованию, в человеческом сообществе в XXVIII веке до н. э. и приведшей его к экзистированию в узких «клетках» своих этнокультурных миров. Эсперантисты уверены, что ключ от «клеток» уже в руках у них – единомышленниках и последователях Заменгофа. Однако, несмотря на декларируемое стремление к объединению, эсперантисты на самом деле в борьбе за сакрализацию / десакрализацию, Л. Заменгофа – «ниа Майстро» и его детища отчаянно враждуют друг с другом.

Так, подход к эсперанто у Семченко / Свечникова функционален и классово детерминирован; для него, прагматика, эсперанто – «боевое и грозное оружие в мозолистых руках пролетариата» («Казароза»). Для обольстительной Левиной Иды Лазаревны («Казарозы») / Альбины Ивановны («Клуб “Эсперо”»), ставшей наставницей и любовницей Свечникова, эсперанто – средство объединения

представителей разных наций, решивших «стать братьями и сестрами» («Казароза»). Линев / Варанкин видит в эсперанто инструмент решения «проклятого еврейского вопроса», мечтая с помощью эсперанто уничтожить «ложно-национальную каменную скорлупу», живя в которой «мумифицированный трупный остаток жившего в отдаленной древности народа» обречен «быть навеки чужим, проклинаемым ... инородным телом в живом организме всех народов и стран» («Казароза»). Кроме этих членов клуба «Эсперо» есть еще и эсперантисты-оппозиционеры – идисты, неписты... Идист Даневич уверен, что эсперанто не что иное, как попытка реализации еврейского мессианского проекта («Казароза»). Неписты горячо спорят с идистами, однако их сближает «страстное желание расплываться со своим общим прародителем» («Казароза»). Автор показывает неаутентичность эсперантистов, с одной стороны, мечтающих преодолеть последствия вавилонского проклятия человечества, а с другой – действующих в вавилонской матрице онтологического протеста и самоутверждения: они спорят, подозревают друг друга в оппортунизме, убийстве, пишут доносы. А рядом с этими строителями новой Вавилонской башни, существует другой мир, в котором, приняв условия бытия, живут, умирают, страдают, любят, надеются...

РОЗОВЫЙ ДОМИК КАК СИМВОЛ ПОДЛИННОСТИ

Главным образом этого неавилонского мира является Зинаида Казароза. Отметим, что «физически» образ этой героини присутствует в тексте обоих романов всего в нескольких эпизодах. Однако он, безусловно, скрепляет и сюжетно-композиционный, и концептуальный уровни, пронизывает ткань романов, занимая «ментальное» пространство текста – воспоминания, разговоры, размышления, сны, видения в основном Николая Семченко / Свечникова. Образ этой ничем особо не примечательной subtilной актрисы является камертоном подлинности, аутентичности бытия.

О Казарозе известно совсем немного. Некоторые подробности ее жизни известны от близко знавшей ее актрисы Ирины Милашевской. Кое-что о Казарозе известно из воспоминаний Семченко / Свечникова (об этом ниже). Но самое главное о ней читатель узнает из некролога, присланного Милашевской Семченко / Свечникову, который он хранил всю жизнь: «...Среди Содомы и Гоморры ... она была одной из тех редчайших праведниц, кому это нужно не по условностям общезнания, а из потребности сердца...» (Юзефович Л. А. Казароза. Клуб «Эсперо»).

¹URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2003/7/vse-svyazano-so-vsem.html>

Отметим интересное колористическое решение этого образа, обозначенное колоронимом «розовый» и его дериватами: «розоватый», «розовеющий», «розоветь» в различных сочетаниях, чаще всего со словами, в семантической структуре которых есть семы, со значением «свет», «воздух»: луч, свет, закат, туман, рассвет, дым... В артистическом имени певицы тоже есть этот колороним, символизирующий аутентичность. Неслучайно автор описывает некоторые инсайты Семченко / Свечникова, его встречи с Бытием, используя это цветообозначение. Так, в эпизоде романа «Эсперо», где описывается сон Семченко в тюрьме, колороним встречается трижды. Розовый цвет как растворение белого в красном достаточное тонкое, как нам кажется, колористическое отражение мерцания вот-Бытия в человеческой жизни, полной напряженной динамики неаутентичности.

Зинаида Казароза, которую пригласили петь романс на стихи М. Лермонтова на эсперанто, совершенно не увлечена ни эсперанто, ни идеями эсперантистов, но жизнь, проявляя «свой вечно непредсказуемый, неосмысленно и ненамеренно жестокий, как у ребенка, характер» [Абашева, 2004], каким-то необъяснимым образом связала ее жизнь и смерть с этим искусственным языком и его апологетами, мечтающими соорудить новую Вавилонскую башню ради блага всего человечества. Тайна жизни, по Юзефовичу, несомненно, прекрасная и простая, хотя и страшная [там же], и этой тайной Зинаида Казарозе было определено умереть, чтобы Жил и Был другой – тот, кто стал невольным виновником ее смерти и всю свою жизнь пытался разгадать тайну розового домика – Зинаиды Казарозы.

ОБРАЗ НИКОЛАЯ СЕМЧЕНКО / СВЕЧНИКОВА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ АУТЕНТИЧНОСТИ

Все мотивы и сюжетные развертки романа, в том числе и детективная линия сходятся в образе Николая Семченко / Свечникова, бывшего красноармейца, в 1920-е годы активного члена пермского клуба «Эсперо» и заместителя редактора губернской газеты «Власть труда». Это он видит розовый свет, когда думает о Казарозе, это ему благодаря этой женщине с псевдонимом «розовый домик» впервые становится стыдно за свою вавилонскую жесткость и непреклонность.

Семченко / Свечников видел Казарозу всего несколько раз в своей жизни. Он познакомился с ней в 1918 году, совершенно случайно оказавшись на спектакле в Петербурге, где она танцевала. Его потрясла хрупкая плясунья, выступавшая босяком в

какой-то рваной тунике и певшая незатейливые песенки, сопровождая себя на бубне или гитаре. А потом была последняя встреча в Перми. Казароза была приглашена им, чтобы спеть романс на эсперанто. Несмотря на то что Семченко / Свечников был практически незнаком с Казарозой, ей суждено было стать главной женщиной в его жизни. Конечно, в его жизни были и другие женщины, но к ним он никогда не испытывал того чувства, которое пробудила в нем Казароза и которое он сохранил всю жизнь. «Он никогда не сравнивал ее с женой, с другими женщинами. Он помнил ее так, как помнят лишь детство и самую первую юность» («Клуб “Эсперо”»). Нежность, священный трепет, восторг, которые испытывал Семченко / Свечников в присутствии Казарозы и думая о ней, стали для него опытом подлинного, аутентичного бытия.

Расследуя убийство, Семченко / Свечников отбрасывает одну за другой различные версии совершенного преступления: политическую, мистическую, конспирологическую [Абашева, 2004]. Политическая версия, которую разрабатывали сотрудники ЧК, была основана на подозрении к причастности в убийстве эсера и эсперантиста Алферьева, гражданского мужа певицы; мистически-конспирологическая – была связана с загадочной гипсовой ручкой младенца, найденной в сумочке Зинаиды Казарозы, и загадочными ритуалами, на которые намекалось в текстах эсперантистов. Однако всё оказывается, с одной стороны, гораздо проще и гораздо сложнее – с другой.

Поймав убийцу Казарозы и держа в руках браунинг, из которого она была убита, он с ужасом обнаруживает свою неаутентичность. Он впервые задает себе вопрос, почему он сам и Генька (и другие) непоколебимо убеждены «в собственном праве решать чужую судьбу» и «почему за всё ей отвечать – Казарозе?» («Клуб “Эсперо”»). Мстить за Казарозу было невозможно: аутентичность не может возникнуть из неаутентичности, и розовый домик невозможно построить из кирпичей Вавилонской башни. Поэтому Семченко / Свечников дал Геньке час на то, чтобы он исчез из города, посоветовав мальчишке отравиться на юг в Красную Армию. Ответом на это действие Свечникову стал розовый свет над Камой.

Поняв, что причиной смерти Казарозы был он сам, Свечников вдруг увидел роковой узел переплетающихся нитей человеческих судеб. Это открытие так потрясло его, что он лежал в своей комнате «в темноте, пьяный, с мокрым от слез лицом», понимая, что новая Вавилонская башня, воздвигнутая из Надежды и Разума, рухнула точно так же, как первая («Казароза»).

Хотя этот герой чаще делает выбор в сторону неаутентичности, подлинное Бытие напоминает ему о себе, раскрывая перед ним иллюзорность вавилонских проектов, в которых он участвует. Поэтому неудивительно, что, несмотря на свое увлечение эсперанто, Семченко / Свечников стал догадываться в какой-то момент, что проблемы человечества не решатся путем создания единого языка, но просто «на чужом языке, полупонятном, любая мысль весомее кажется, чем на своем, родном, ведь ее через труд понимаешь, через усилие, и относишься к ней серьезнее» («Клуб “Эсперо”»).

Семченко / Свечников прожил долгую жизнь, он не однажды менял привычки, сбрасывая кожу («Клуб “Эсперо”»), но через всю жизнь он пронес образ «плясуньи с голосом райской птицы» («Казароза»). Фотографию ее портрета, написанного художником Яковлевым, и некролог он хранил всю жизнь. Казароза вроде бы «ничего не объясняла», она просто была... была для него явлением аутентичного бытия.

Оказавшись в 1970-е годы в Перми, из которой Семченко / Свечников уехал, очевидно, вскоре после гибели Казарозы, он понял, что благодаря этой маленькой женщине, которую он видел несколько раз в своей жизни, он всё-таки не растворился «в переменах жизни» и научился различать ничтожность великого и значимость малого и «судьбу в том, что казалось не более чем переменной жизни» («Клуб “Эсперо”»).

Казароза своим бытием открыла Семченко / Свечникову понимание того, борьба за счастье человечества, если в этой борьбе надо уничтожить человечество, бессмысленна, и те, кто строят величественное здание Вавилонской башни, разрушая розовые домики простых человеческих судеб, неизбежно погибнут под обломками своего Babilono. В ночь обнаружения несостоявшегося своего убийцы Свечников был настолько аутентичен, что хозяйка, которая принесла Свечникову «поганое ведро», когда его начало тошнить, смотрела на него так, «словно впервые увидела в нем человека» («Казароза»).

ОПЫТ АУТЕНТИЧНОСТИ В НАРРАТИВЕ РОМАНОВ О КАЗАРОЗЕ

Глас Бытия через голос Казарозы слышит не только Семченко / Свечников, но даже Осипов – пьяница, циник и конформист, жизненное которого кредо обусловлено вроде бы исключительно витальными потребностями. Тем не менее именно Осипов, от которого всегда нестерпимо разило кумышкой («Клуб “Эсперо”»), дает деньги на похороны Казарозы. Через этот образ – «провинциального интеллигента» в романах представлено «смеховое» решение проблемы экзистенциальной пропасти

между отдельными людьми и целыми народами, которой обеспокоены эсперантисты, грезящие о глобальном изменении человеческой жизни, но погрязшие в мелочных спорах, доносах, любовных интрижках. Грубое карнавальное раблезианство развенчивает напыщенный эзотеризм эсперантистов: «Все пьяницы говорят на одном языке. Мычат, молчат, а друг друга понимают, потому что из них общечеловеческая сущность вопиет» («Клуб “Эсперо”») – однако не отвечает на вопрос, в чем состоит человеческая сущность, проявляющаяся при потере способности говорить на человеческом языке. Поэтому неслучайно авторское ироничное замечание, относительно происхождения денег, которые Осипов принес на похороны Казарозы: «Из украденных им у жены денег кое-что, похоже, осело в его кармане и потрачено было не зря» («Казароза»).

Опыт аутентичности доступен каждому и ограниченность ментальных возможностей не является препятствием. В этом отношении интересен эпизод прихода Свечникова к Сикорскому, у которого был больной сын – «чудовищный мальчик лет восьми, отечный, в закапанной слюнями жеваной рубашке...и огромной головой идиота» («Казароза»). Когда Свечников дунул в свистульку, принесенную мальчику в подарок отцом, и из нее послышался «неожиданно нежный переливчатый звук», напоминающий голос Казарозы, мальчик перестал бессмысленно качаться и его лицо его разгладилось («Казароза»).

Еще одним героем, которому доступен опыт аутентичности, является Вадим Кабаков / Вагин. Он во многом противоположен Семченко / Свечникову. В отличие от активного члена пермского клуба «Эсперо» он скептически относится к идее эсперантистов построить храм «любви и разума». Эсперантисты его раздражали и прежде всего тем, что «при всяком удобном случае выставляли напоказ жизненную необходимость своего эсперанто, необыкновенную его важность», представляя себя провидцами, мечтающими осчастливить человечество, которое не понимает их великой жертвы («Клуб “Эсперо”»). Наряду с эсперантистами его раздражают и идиоты, и прочие изобретатели языков «своим нежеланием видеть нормальную человеческую жизнь» («Клуб “Эсперо”»). В деятельности эсперантистов и их противников он не видит ни любви, ни разума, о которых они постоянно говорят. Неприятие грандиозных мироустроительных проектов эсперантистов, их идеократического накала, обусловлено отвращением Вагина к их неподлинности. Он остро чувствует нечто ужасное в людях «вавилонского» мира, тех, кто одержим ненавистью ко всем, кто стоит на пути воплощения их мечты, а не заряжен любовью к

миру и ближнему. Наблюдая постоянные споры эсперантистов с идеями, Вадим представлял не единый мир, о котором эсперантисты много говорили, а безнадежно-непримиримый раздвоенный мир, в котором «храмы человечеству, воздвигнутые по обе стороны границы, постепенно превращались в новые Вавилонские башни, откуда денно и нощно ведется наблюдение за противником» («Клуб “Эсперо”»), мир умозрительных идей, мир неаутентичности, в котором нет места «розовым домикам».

Вадим Кабаков / Вагин в значительно большей мере, чем Семченко / Свечников способен к переживанию аутентичности, однако не потому, что это его сознательный выбор. О своей аутентичности он, так же как Семченко / Свечников, начинает догадываться только к концу жизни: «к старости стал замечать, как в его жизни все отчетливее проступает первоначальный замысел, прежде неразличимый. Хаос обретал форму, пустота – смысл» («Казароза»). Стоит обратить внимание на то, что через этого героя автор выражает иронию как в адрес искусственного языка («пошловато-певучий язык», в котором слышалась «жидкая самоварная медь провизорской латыни») («Казароза»), так и в адрес самих эсперантистов, провозглашавших великие цели, но не гнушавшихся незатейливыми эротическими приемами при агитации новых членов в свой клуб: «Эсперантисты разобрали барышень, что-то нашептывали, склоняясь к ним под медленную, тягуче-порочную музыку. Вагин понял, что начинается сеанс агитации. Барышни помалкивали, но их млеющие лица говорили о том, что скоро клуб “Эсперо” пополнится новыми членами» («Казароза»).

Аутентичность Вагина, неочевидная для него самого, проявляется наиболее зримо, когда при изменении положения политического флюгера в отношении международного языка, он, «всегда на дух не выносивший» эсперантистов, отказался писать про них в местную газету «разгромную статью», хотя ему было обещано за представление их «в нужном освещении и под должным углом» повышение по службе. И даже «вздохнул с облегчением» («Клуб “Эсперо”»), когда это сделали другие, возможно, из числа бывших эсперантистов. Выбор Кабакова / Вагина завуалирован под невыбор (он ведь просто «нарочно медлил, тянул»), однако в его невыборе и проявляется его аутентичность.

Семченко / Свечников в аналогичной ситуации оказался, напротив, неаутентичен. Когда в январе 1938 года ему позвонили и «вежливо, но настойчиво посоветовали выступить с речью на закрытии московского эсперанто-клуба “Салютон”» («Казароза»), сделал то, о чем его попросили, и произнес речь, хорошо отредактированную женой, откровенная неаутентичность которой его всегда раздражала.

Вадим в отличие от Семченко / Свечникова не сделал никакой карьеры; он социальный неудачник: все «им помыкали и цукали как мальчишку» («Клуб “Эсперо”»). Однако ему, всю жизнь жившему «как придется, как бог на душу положит», хотелось понять, а не поменять таинственный порядок мироздания, некий замысел, и к концу жизни он стал различать «строгий узор, который прежде был не замечен, а теперь давал радостное и спокойное ощущение какого-то всеобщего порядка» («Клуб “Эсперо”»), частью которого был он, его жена Надя, Свечников, эсперантисты, Казароза, ее случайный убийца Генька Ходырев.

В обоих текстах Л. Юзефовича последовательно развивается идея о том, что аутентичное / подлинное незаметно, как легкое дуновение ветерка, и не каждый способен его обнаружить; и аутентичным может быть не тот, кто одержим великими трансформациями, но тот, кому важен голос Другого, кто слышит глас Бытия, кто экзистировал в парадигме преобразования, притягивая онтологию. Не случайной в этой связи, как нам кажется, в тексте является топонимическая деталь, многократно встречающаяся в тексте, – часовня Стефана Великопермского, о котором автор вскользь говорит всего лишь несколько слов: «В здешней тайге он когда-то крестил зырянских язычников, сочинял для них азбуку...» («Казароза») – не трансформировал существующий язык коми-пермяков, но преобразил его, найдя для звуков графические знаки, чтобы у зырянских язычников была благая весть Христа, зовущего человечество к преобразению себя, а не к трансформации мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье рассмотрена проблематика аутентичности в романах Л. А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» и «Казароза», проанализирована система образов и архитектоника тестов. Сделаны следующие выводы:

- 1) архитектура романов строится на противостоянии двух типов бытия, реализованном в лингвофилософском контексте идей эсперантистов;
- 2) неаутентичное бытие эсперантистов, видящих причину разобщенности человечества в полилингвальности, обусловлено противоречием между мечтой преодолеть последствия вавилонского проклятия человечества и стратегией онтологического протеста и самоутверждения;
- 3) аутентичность, или подлинность, экзистировал в парадигме преобразования, а не трансформации;
- 4) опыт «мерцательных» прорывов в аутентичность представлен образами Николая Семченко / Свечникова; а также образом Вадима Кабакова / Вагина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабичева М. Е. Дважды венчанный (Л. А. Юзефович – лауреат «Большой книги») // Stephanos. 2021. № 3 (47). С. 86–97. DOI: 10.24249/2309-9917-2021-47-3-86-97. EDN PDKVFR.
2. Абашева М. Тайны Леонида Юзефовича // Новый Мир. 2004. № 5. С. 166–170.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.

REFERENCES

1. Babicheva, M. E. (2021). Dvazhdy venchannyj = Married twice, 3(47), 86–97. 10.24249/2309-9917-2021-47-3-86-97. EDN PDKVFR. (In Russ.)
2. Abasheva, M. (2004). Tajny Leonida Yuzefovicha = Secrets of Leonid Yuzefovich. New world, 5, 166–170. (In Russ.)
3. Heidegger, M. (2003). Bytie i vremya = Being and Time. Transl. from German by V. V. Bibikhin. Kharkov: Folio. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Му Чунхуай

кандидат филологических наук
профессор факультета русского языка Института иностранных языков
Ляонинского университета, Шень Ян

Николаева Наталья Владимировна

кандидат культурологии
доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении
Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mu Chonghuai

PhD
Professor at the Faculty of Russian
Institute of foreign languages, Liao Ning University in China

Nikolaeva Natalya Vladimirovna

PhD in Culturology
Associate Professor of Department of Russian as a Foreign Language in Vocational Education
Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	02.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	05.08.2024	
	06.08.2024	